

НАБОКОВСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯК РОДНЫМ
БЕРЕГАМ

Очевидно, влияние Набокова на русскую литературу конца XX — начала XXI века будет неуклонно возрастать. Во всяком случае для этого есть все предпосылки. Наследие Набокова наконец входит в плоть отечественной культуры, способствуя ее оздоровлению, оказывая це-

лебное воздействие на интеллектуальную «экологию», многие десятилетия подвергавшуюся целенаправленному идеологическому отравлению.

Тиражи набоковских книг уже перевалили через миллионную отметку. Четырехтомник русской прозы писателя, написанной в 20—30-е годы, сейчас выходит в библиотеке «Огонька» почти двухмиллионным тиражом, но подписаться на собрание сочинений было исключительно трудно. Это не мода на вчера еще запрещенного автора, а потребность читателя в освобождении своего духовного кругозора.

Вместе с тем Набоков — автор непростой, требующий от читателя не только сопереживания, но и сотворчества. Чтобы прочесть его непреходящее, нужны правильные ориентиры. Их способно дать набокововедение, которое у нас в стране пока что в младенческом состоянии.

Вот почему международная конференция по Набокову, которая прошла в Москве с 29 по 30 мая с участием крупнейших набоковедов различных стран, была нужна как воздух. Их приезд в Москву — это прежде всего признание тех перемен, которые происходят в российской культуре, жест доверия по отношению к возврату набоковского наследия на родину.

Наиболее полно были представлены ученые США. Это неудивительно, если учесть, что Набоков, писавший после 40-го года преимущественно по-английски и много лет проживший в Америке, — уникальный плод скрещивания русской и американской культур XX века. Этот плод не нужно резать на половинки и не стоит воевать за его национальную принадлежность: он — свидетельство потенциальной универсальности культуры, преодолевающей узость «местничества».

Набокова порой воспринимали как эстетического гурмана, наслаждающегося преимущественно словотворчеством. На самом деле, как показал американский профессор Йельского университета Владимир Александров, Набоков интенсивно искал метафизические корни бытия, и в этом он безусловно последователь русского символизма. О духовных поисках Набокова говорили и другие американские коллеги — Д. Бетте, С. Давыдов, Р. Алтер. В докладах были прослежены связи между Набоковым и его любимыми писателями Прустом и Джойсом. Напротив, речь о любимых писателях автора «Дара» (а их много: от Чернышевского до Горького, от Достоевского до Сартра — Набоков был непримирим к идеологизированной литературе «Больших Идей») шла, в частности, в выступлении канадца Д. Рэмптона «Набоков как критик».

Официальный биограф Набокова, получивший от его наследников право пользоваться семейными архивами, Б. Бойд (Новая Зеландия) прочитал поразительные по силе неопубликованные страницы из берлинского дневника писателя, посвященные политическому убийству его отца, известного деятеля кадетской партии. Об образе Берлина в творчестве Набокова говорил советский литературовед А. Зверев.

Вообще советская сторона не ударила в грязь лицом благодаря докладам в основном ленинградцев: А. Долинина, М. Мейлаха, И. Толстого, посвя-

щенным разнообразным вопросам поэтики.

Конференция проходила в Рахманиновском зале Московской консерватории. Место встречи оказалось символическим. Когда-то Рахманинов помогал Набокову, в худшие годы его эмигрантской бедности. Конференция помогла организовать ассоциацию творческой интеллигенции «Мир культуры». Журнал «Иностранная литература», также спонсор этой встречи, опубликует в скором времени содержание выступлений.

Виктор ЕРОФЕЕВ.

Моск. новости - 1990 - 10 июня

АФИША

ня 1990 г. (№ 23) - с. 14